Тяжёлый лязг закрывающейся стальной входной двери. Меня встретил спёртый, но оттого и тёплый воздух. Никогда бы не подумал, что буду так рад родному подъезду. Отдавленные измотанной тушей ступни с шумом опускались на каменные ступеньки, пока их хозяин старательно взбирался на площадку третьего этажа. Роясь в кармане в поиске ключей, я только у дверей квартиры осознал, что оставил друга одного на столь долгий промежуток времени. Ещё ведь обещал ему помочь в освоении одной из его игрушек, а он небось уже расстелил матрац на полу и сопит в обе ноздри: уже второй час, как-никак, — Василий всегда предпочитал ложиться пораньше, даже оставаясь у кого-то из нас с ночёвкой. Воспитание-с.

Отворив тяжёлую дверь, я по привычке хотел было обозначить своё возвращение, но вовремя спохватился и тихонько просочился внутрь, стараясь не скрипеть петлями. Как вскоре выяснилось, зря старался — телевизор на кухне по-прежнему работал, давая мне понять, что кто-то из домочадцев "точит" на ночь глядя. Завтра выходной, так что ворчать по этому поводу никакого желания не возникло — я поступал порой аналогичным образом, так что не мне, грешному, на других пенять.

— Бли-и-ин, мама, походу, сегодня не приедет, с поездами что-то. Надеюсь, заварка ещё оста?..

Мягко толкнув внутрь кухонную дверь и ещё не переступив толком порог, я с изумлённым видом пересёкся глазами с Василием, что до сих пор сидел на своём прежнем месте и уплетал картофельное пюре. Складывалось ощущение, что он и не покидал помещения, всё это время бессовестно уничтожая мою провизию… И это когда я сам ещё не ужинал вовсе!

— Вась, ты в конец обнаглел? — закатив глаза, в раздражении бросил я. Тот безмолвно уставился на меня, словно я ляпнул последнюю ересь, за которую раньше меня бы непременно сожгли на костре. Так и не дождавшись ответа, я вынужденно добавил: — Сколько в тебя влезает-то, помело? Мне хоть оставил что, троглодит?

— Никит, ты нормальный вообще? — прожевав как следует, тот наконец соизволил подать голос. — Сам, главное, отдал свою порцию, а теперь негодует…

— Я тебе одну отдал, а это какая уже? Пятая? Или хочешь сказать, что два часа ешь исключительно мою порцию?

— Какие два часа? — вылупился на меня Василий, будто увидал экзотическую зверушку в зоопарке. — Тебя не было полминуты, наверное.

— Ась? — Теперь уже я взирал на друга, как на невиданное создание природы. — Ты что лопочешь? Я там чуть пятую точку не отморозил, пока шатался на…

Я своевременно, краем глаза, заметил стоявшую у раковины бабушку. Если она услышит, что я в это время ходил до вокзала, что не так уж и близко располагался от дома, — скандал устроит, как пить дать. Нет, лучше тактично промолчать.

— Ну, в общем, меня достаточно долго не было. Какие полминуты, ты о чём?

— Заболел, что ли? — Друг было потянулся ко мне рукой, но я поспешно отпрянул прочь. Да он, никак, насмехается надо мной?! Впрочем, на его лице не было и намёка на хохму — тот говорил вполне себе с серьёзным выражением лица. — Вон, даже фильм всё еще идёт, что мы смотрели давно, помнишь?

Я недоверчиво покосился на экран. У меня нет привычки лупиться в телевизор во время еды, как у некоторых членов нашей семьи, так что особо не запоминал, что там шло сегодня. Однако центрального актёра сегодняшней картины мне запомнить удалось чётко: это был раскаченный австрийский бодибилдер Арнольд Шварценеггер — один из моих кумиров, пускай и наделённый, так сказать, своеобразной актерской игрой. И если не ошибаюсь, там был отрывок сцены, где инопланетное существо пыталось выследить его в джунглях, пока Арни умело прятался от неё, повиснув на протянутом над пропастью толстом бревне. Хороший фильм, особенно для своего времени — у нас от него все в восторге.

— Не понял… — Я даже приблизил лицо к экрану телевизора, хотя на зрение пока не жалуюсь. — Он всё ещё идет?

— А я о чём, — недоумённо повёл плечами друг, зачёрпывая ложкой пюре…

Чёрт побери, определённо из моей порции, что я ему тогда отдал — я только сейчас понял, что его тарелка стояла поодаль, опустевшая, когда как сам "хомячил" из моей: вот же и цветочный голубоватый узор виднеется. Такая тарелка была лишь одна — в своё время я их все случайно побил, сохранив лишь единичный экземпляр.

Кошмар, казалось, уже отпустивший меня насовсем, настиг внезапно вновь. Я вспомнил, отчего изначально бежал из дома. И это не желание поскорей увидеть маму. Я что же… один это вижу?

— Сколько… — не своим голосом обратился я ко всем присутствующим в помещении, заранее понимая всю тщетность этого действа. Но ничего другого на ум не приходило. — Сколько сейчас времени?

Смотревший в мою сторону доселе Василий словно целенаправленно уткнулся в свою тарелку, нарочито медленно и с чувством прожёвывая пищу, после чего скребя по дну ложкой… И так раз за разом, будто выполняя некий ритуал. Бабушка и вовсе не поворачивалась в мою сторону, продолжая… Да, так и есть, мне не показалось — она продолжала мыть посуду, как и пару часов назад, хотя с её опытом домохозяйки она должна была управиться минут за десять, несмотря на целую гору в раковине. Оба словно демонстративно не обращали на меня более никакого внимания, как будто меня здесь нет и в помине.

Ногти больно впились в израненную ладонь, отчего та ещё вновь засочилась. Краем уха я даже уловил шлепок капли об паркет, но у меня нет желания глядеть вниз. Меня распирал… Нет, в этот раз не страх. Гнев. Непонимание уже так глубоко въелось внутрь, что вызывало лишь

злость и желание разрушить, но никак не испугаться и забиться в угол. Казалось, сама реальность старалась игнорировать моё существование, на что я был готов ответить агрессией. И если потребуется — откровенным насилием.

Не выдерживая всего этого давления, я с чувством ударил ближайшую ко мне стену, отчего бедная штукатурка затрещала и, как показалось, даже частично осыпалась под обоями. И что есть мочи яростно прокричал, желаемый быть услышанным хоть на другом конце посёлка:

— Да будьте вы все прокляты, мать вашу! Кто-нибудь в этом доме уже скажет, который сейчас час, да сгореть вам всем в аду в ином случае?!

Я опустошённо уронил голову на грудь, бешено глотая ртом воздух. Аж гора с плеч после столь бурного выплеска эмоций. Как же полегчало-то. Мне даже стало стыдно за свою выходку.

Я уже вознамерился было подобрать наиболее искренние слова извинений, нехотя поднимая голову с виноватой улыбкой…

Когда встретился с нацеленными на меня двумя парами широко распахнутых глаз. Неподвижные, остекленевшие, будто у покойников, взгляды — они пронизывали меня насквозь, заставляя вжаться в закрытую за моей спиной дверь. Эти двое не проронили ни слова, уставившись прямо на меня, оторванные от своих прежних дел. Они теперь больше напоминали кукол, что искусный художник вылепил из воска и придал им форму родственников и знакомых, при этом лишив их самого важного, что могло бы сделать их людьми — души. Эти глаза попросту были лишены чего бы то ни было живого: ни искры, ни внятной фокусировки… Они просто смотрели в одну точку, коей являлся я целиком. Даже звуки на какой-то миг стихли, словно та тень вернулась, чтобы уж теперь гарантированно поглотить меня…

И в глазах угрожающе зарябило. Их лица, как и всё окружение, неуловимо теряли форму и размывались, как если бы краски на оставленной под жарким солнцем картине начали плавиться и стекать с полотна, преображая некогда произведение искусства в безобразную мазню. Разум снова замутило, а я весь сжался, не зная куда от этого деться…

Меня спасли вновь пробудившиеся инстинкты к самосохранению: распахнув дверь буквально стоя к ней спиной, я развернулся на месте и, ничуть не разбирая дороги, понёсся как угорелый в свою комнату — мою последнюю обитель в этом хаосе.

С диким грохотом дверь встала на место, ограждая меня от внешнего мира и добровольно запирая в этих маленьких четырёх стенах. Жуткое затишье растянулось для меня на мучительные секунды… если не минуты. Я ничего не слышал, кроме стуков собственного сердца, что отдавалось аж в висках, заглушая все сторонние звуки. Тело вжалось в дверь, подпирая вход на манер засова ввиду отсутствия в моей комнате замка: меня не отпускало чувство, что перестань я контролировать вход — и оно меня сожрёт… что бы оно ни было. На светло-голубоватой поверхности двери осталась заметная алая клякса: ладонь продолжала слабо сочиться, однако в такой ситуации я успел напрочь позабыть о ней, что даже ноющее

пощипывание растворилось в этой суматохе.

Но вот, вроде как, всё понемногу возвратилось на круги своя, как если бы кто-то дёрнул переключатель. Слабые отголоски обоих телевизоров, бурчание бабушки на Василия, переменчивые возгласы болеющего за футбольный матч отца — всё это просачивалось через дверь, которую я судорожно продолжал подпирать, стоя на трясущихся ногах. Если прислушаться, я даже мог расслышать довольное напевание младшей сестры за стенкой, что небось продолжала вычитывать свои ужастики под попсу из плеера.

Я что, схожу с ума?..

— Или сам мир сошёл с ума? — вырвался из меня едва разборчивый шёпот.

Я опустошённо съехал по двери на пол, всё не решаясь от неё отойти. Как и не в силах продолжать держать собственную тушу на ослабевших ногах. Важно одно: на текущий момент я в безопасности… кажется.

http://tl.rulate.ru/book/103064/3570510